

Научная статья / Original research article

УДК 316.72

DOI:10.31660/1993-1824-2025-4-149-160

EDN: XBASDG

Номадизация вещно-субъектного взаимодействия в культуре постмодерна

А. В. Шляков

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация
schafferhund@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования — обнаружение изменений во взаимодействии с человеком вещей, обусловленных особенностями постсовременной культуры (постмодерна). Согласно гипотезе ориентация культуры постмодерна на «размытие» идентичности человека проявляется и в вещах, и в способах их связи с субъектом. Автором статьи выявлено, что в постсовременной культуре сущность вещи подверглась трансформациям, приведшим к изменению ее формы, материала, функций, что укладывается в тенденцию, названную Ж. Бодрийяром «борьбой с природой». Форма вещи подвергается миниатюризации, содержание освобождается от природных субстанций и заменяется на пластик, а единичность функций сменяется многофункциональностью. Установлено, что вещь начинает превращаться в номадический предмет, побуждающий человека к мобильности. В ней обнаруживается потеря собственного сущностного содержания, «ноуменальности», нивелируется граница внутреннего и внешнего. Вещь приобретает потенцио к ризомным соединениям, обнаруживая в себе склонность к образованию гибридов с элементами разнородного происхождения (естественного и искусственного, материального и идеального). У вещи значительно сокращается срок службы и период «жизни», что не позволяет ей успеть обрасти собственную биографию. Ее существование контролируется ad-hoc подходом, требующим признать собственную недолговечность и уступить место новым вещам. Вещь побуждает человека к перемещениям в физическом, социальном и духовном пространствах, трансформируя его идентичность в «ускользающую». Результаты исследования могут быть полезны философам, культурологам, а также преподавателям средних и высших учебных заведений для изучения особенности проявлений культуры постмодерна.

Ключевые слова: номадизм, вещь, постмодерн, культура, мобильность

Для цитирования: Шляков, А. В. Номадизация вещно-субъектного взаимодействия в культуре постмодерна / А. В. Шляков. – DOI 10.31660/1993-1824-2025-4-149-160 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 4. – С. 149–160. – EDN: XBASDG

Nomadization of real-subject interaction in postmodern culture

Alexey V. Shlyakov

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
schafferhund@rambler.ru

Abstract. The aim of this study to identify the changes in the interaction between things and humans that arise from the unique characteristics of postmodern (postmodernity) culture. The hypothesis posits that the postmodern tendency to "blur" human identity appears in things and ways they relate to the subject.

The author of this paper reveals that, in postmodern culture, the essence of a thing undergoes transformations and they led to a change in its form, material, and functions that align with the trend described by J. Baudrillard as a "struggle against nature." The form of a thing becomes miniaturized, its material composition shifts from natural substances to plastics, and single-purpose functions give way to multifunctionality. It was found that a thing begins to transform into nomadic object motivating foster human mobility. It loses its essential content or "noumenality," causing the boundary between the internal and external to become blurred. A thing gains the potential for rhizomatic connections, displaying a tendency to form hybrids that combine elements from diverse origins (natural and artificial, material and ideal). Furthermore, life cycle and period of the "life" of a thing are significantly shortened, preventing its from obtaining own biography. An ad hoc approach governs its existence. This approach emphasizes impermanence and encourages replacement of a thing by newer things. As a result, a thing motivates human movement across physical, social, and spiritual spaces, transforming his identity into an "elusive one". The findings of this study may be beneficial for philosophers, culturologists, and educators in secondary and higher education who are investigating the manifestations of postmodern culture.

Keywords: nomadism, thing, postmodernity, culture, mobility

For citation: Shlyakov, A. V. (2025). Nomadization of real-subject interaction in postmodern culture. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 149-160. (In Russian). DOI : 10.31660/1993-1824-2025-4-149-160

Введение

Сегодня не вызывает удивления и даже звучит банально утверждение о том, что количество изменений за единицу времени «неуклонно растет», «единственная константа современности — это изменчивость». Изменчивость стала одной из основных тем постмодернистского дискурса. Ей посвящали работы Ж. Бодрийяр, З. Бауман, Ж. Делёз. Изменчивость, подвижность обрела в культуре постмодерна статус социальной стратегии, получившей название «номадизм» (глобальное кочевничество). Номадизм постмодерна ориентирован на разрыв с любой закрепленностью, оседлостью, в которой видится акт принуждения, закабаления, а движение воспринимается как воплощение свободы. Действительно, социальные, экономические политические и иные факторы толкают человека к изменению местоположения, к перемещению внутри города, между городами, между странами, к тому же глобализационное стирание национальных, культурных границ упрощает этот процесс. Человек постмодерна превращается в неокочевника, который кочует не только по внешней территории, но и по идентификационным сериям. В процессе своего движения неокочевник вступает в связи и отношения с миром предметов, вещей, которые не только помогают осуществлять перемещение в пространстве, но и побуждают к нему. Появившиеся концепции ОOO (объектно-ориентированной онтологии), витального материализма позволяют рассмотреть вещь как самостоятельный объект номадизма. Нам представляется актуальным изучить изменение положения вещи в системе отношений с субъектом, ведущее к освобождению вещи от человека и обретению статуса самостоятельно агента, побуждающего к движению, номадизму.

Материалы и методы

Методологической базой исследования служит философия и социология повседневности, хотя в академической философии повседневность становилась полем исследования в редких случаях. Э. Гуссерль выделяет *Lebenswelt* (жизненный мир) и провозглашает лозунг «возврат к самим вещам» [1]. М. Хайдеггер рассматривает повседневность как особую форму «бытия-в-мире», связанную с определенным способом отношения к вещам и людям [2]. Для него повседневность является «рассеянной самостью», «обезличенностью», которая позволяет человеку осуществить «экзистенцию от обратного». Степень растворения, рассеивания по полю повседневности пропорциональна интенсивности пробуждения самосознания человека, что может послужить рывком к подлинному бытию. М. Вебер описывал повседневность как «выхолощенную повседневность» и отождествлял ее с деградацией и упадком культуры [3]. На наш взгляд, негативное отношение науки к повседневной реальности не отменяет регулярное погружение в нее человека, в том числе и ученого. В акте присутствия в повседневности с позиции наблюдателя необходимо переместиться на позицию участника и обратиться к анализу и рефлексии пространства собственной «потерянности», «рассеянности» самости. Сталкиваясь в повседневности с вещным миром, человек обращается к различным бестелесным, интеллектуальным процедурам мифологизации эстетическогоperiживания, проекции, не ограничиваясь лишь объективными характеристиками вещи и эксплуатацией ее функций. Ж. Лакан отмечает, что отношения с вещами, которые формируются в результате визуального постижения, упорядочивания и представления, носят подвижный текучий, ускользающий характер [4].

В современной отечественной философии к исследованию повседневного бытия вещей обращались М. С. Каган и Ю. М. Лотман, рассматривающие знаковую функцию вещи как доминирующую, В. В. Корнев, исследующий вещь как объект желаний, С. А. Лишаев, создавший школу исследований онто-концептуализаций вещей, Н. А. Муштей, рассматривающая модели и динамику бытийствования вещи, Н. Б. Маньковская, изучающая трансформацию вещи при переходе к постмодерну.

В исследовании номадизации отношений между вещью и человеком, помимо социологии и философии повседневности, представленной трудами С. А. Лишаева, К. С. Пигрова, А. К. Секацкого, методологической базой выступают труды постструктуралистов З. Баумана, Ж. Бодрийяра, Ж. Делёза.

Результаты и обсуждение

В постсовременности абсолютизируется культура мобильности, для которой важной задачей становится снятие, недопущение конфликтности. Культура модерна исходила из того, что противоречие, которое требует произвести выбор «или — или», является основой нравственного существования. В постмодерне происходит примирение конфликтующих сторон через допущение их одновременного существования «и — и». Та-

кое допущение плюрализма идей и действий способствует адаптированности субъекта к ситуации, в которой необходимо установление коммуникации со стороной, выражавшей противоположные суждения. Подобный процесс А. К. Секацкий назвал «установлением поверхностного слоя имманенции, в котором образуется взаимопонимание без понимания» [5]. Такое контактирование представляет собой пересечение опознающих субъектов, проявляющих этикетную вежливость. Однако в мире, где разнородные предметы и идеи сосуществуют, утрачивается возможность различения подлинного и мнимого, тайного и явного, что делает невозможным выявление скрытых смыслов, и это настороживает и пугает человека. Такое состояние тревожности, страха А. К. Секацкий назвал состоянием аутизма, побуждающим субъекта найти посредника для коммуникации [5]. Посредником подобных контактов может выступать вещь, что приводит к проблемам овеществления и отчуждения. В традиционной культуре кустарного производства, ручного труда, которую М. Хайдеггер называл «эпохой мастера», для взаимодействия с вещью человек должен был обладать специальными навыками и умениями. Вещь воспринималась как инобытие, которое требует от субъекта приспособления, при этом она характеризовала своего владельца, история вещи и биография «хозяина» были неразрывно связаны. При переходе к машинному производству в период модерна вещь начинает восприниматься как идол, требующий поклонения, в противном случае человек становился жертвой машины. В этот период отчуждение было достаточно высоким. При переходе к культуре постмодерна вещь обретает новые свойства: она органична, осязательно комфортна при использовании, слушается голосовых приказов, но при этом становится обезличена. Вещь превращается в «слишком человеческую», она не вызывает прежнего страха, как в традиции, не нужно знать ее устройство, чтобы пользоваться, она десакрализована, очеловечена, а человек овеществлен. Реальность, которую можно встретить за пределами угождающих человеку вещей, все еще способна напугать, но если видеть в ней вещность, которая не имеет четкой персонификации, удобна и безобидна, то с ней вполне можно проводить время. Так и другой человек видится в вещной оптике как объект кратковременной коммуникации. Вещь постмодерна теряет свойства долговечности, она не несет отпечаток хозяина, лишена персональности. По словам К. Пигрова, сегодняшнее время можно назвать античностью вещей, «старые тела остаются, а старые вещи выбраковываются и выбрасываются» [6]. Подобную ситуацию можно объяснить ускорением повседневной жизни, в которой нет возможности осуществить авторство через со-творение вещей. Вещь — предмет, какой она была в модерне, становится вещью-проектом, которая из-за ускорения процессуальности не всегда может осуществиться.

В культуре модерна вещь существовала в том числе для удовлетворения желания человека, но в постмодерне обнаружилась проблема неспособности человека самостоятельно желать чего-либо. Для решения этой проблемы вещь наделяется функциями

искушения, соблазна, порождения желаний, «симулировании, стимулировании или переизобретения искусственных желаний» [7].

Внешний вид и форма вещи также подверглись серьезным изменениям: новое «тело» свидетельствует об отсутствии у вещи «ноуменальности». Это подтверждается принципиальной невозможностью разборки вещи и проникновения в ее «внутренний мир». У многих вещей отсутствуют разъемы для отверток. Если человек постмодерна был провозглашен «телом без органов» [8], то вещь постмодерна может быть описана как поверхность без нутра. У вещи традиционной культуры «внутренний мир» был открыт для мастера, обладающего специальными навыками. Сегодня ноуменальное бытие вещи закрыто или отсутствует, что подразумевает исчезновение ноумена в другом. При взаимодействии с вещью субъект сталкивается с поверхностью, которая уже лишена субстанциональности и исключает проникновение, допуская только скольжение (поглаживание), реализующее овеществленный соблазн. После выполнения этой своей функции лишенная самостоятельного существования вещь делается отходом, мусором, что порождает одну из серьезных проблем постсовременной цивилизации.

Вещь в культуре постмодерна уже не мыслится как единица, занимающая отдельную точку пространства. Она становится продолжением тела, тем самым изменяя границы экзистенциального «Я» и свои собственные вещные пределы. Сосредоточение перцептивных переживаний смещается с человеческой телесности на границу вещи, становящейся воспринимающей поверхностью.

По мнению Н. А. Муштей, переход к культуре постмодерна повлиял и на форму существования вещи, которая из вертикальной становится горизонтальной, так как допускает одновременное сосуществование разнотемпоральных объектов [8]. Культура постмодерна не только позволяет подобное соседство объектов разных исторических форм, но и распределяет их по пространству, осуществляя комбинирование. Горизонтальность бытийствования не допускает презентации возможных смыслов вещи, которые присутствуют одновременно. В гуманитарной науке при описании подобного горизонта применяют концепт «поверхность» (Ж. Делёз). Этот концепт не столько обращается к категории «поверхности», сколько ориентирует на представление об «одномерности» (Г. Маркузе), «прозрачности» (Ж. Бодрийяр). В нем проявляется отказ от глубины (вертикальности-осмысленности-историчности) и сведение всего к слою без толщины. Такая форма существования объектов не допускает глубины познавательного проникновения в их смысл, а лишь позволяет скользить по поверхности вещи, ограничиваясь ее опознаванием и описанием форм, данных чувственным восприятием.

В отличие от вещи культуры модерна постмодернистская вещь приобретает новые характеристики, к которым можно отнести: отсутствие осевого дуализма «вещь — место» и «вещь — имя», динамичность формы, поливариантность перемещений в пространстве, равноценность нисходящих и восходящих переходов вещи от сакрального к профанному и обратно [8]. Помимо этого, вещь утрачивает иерархичность

и долговременность и обретает ризомные свойства. Такой уход от вертикального бытийствования, утрата статичности формы приводит и к освобождению от одноразового означивания [8].

Переход формы существования вещи с вертикального на горизонтальное в постсовременной культуре проявляется в дизайне предметов и в виртуальных маркетплейсах.

Современный предметный дизайн пытается совместить художественность с функциональностью, что делает предмет амбивалентным, балансирующим на культурном фронтире сакрального и профанного, не относящимся ни к тому, ни к другому. В таком совмещении утилитарности и образности изначально лежит противоестественность, поэтому предмет дизайна инороден по отношению к полю повседневности. Такая вещь безжизненна, она бытийствует, не имея на себе следов бытования — царапин, сколов, что свидетельствует об отсутствии в ней истории, биографии. Художественность мешает вещи иметь функциональное применение, а утилитарность не дает возможности стать художественным объектом искусства. «Новизна» вещи обретается не через создание нового, а через отрицание старого (форм, имен, места в культурном пространстве). Предметный мир лишается постоянства, устойчивость образа вещи нарушается, при этом дестабилизации подвергаются и отношения субъекта и вещи: имя вещи уже не содержит обязательной «вещественности», старое имя устраниется, унося с собой и прежние культурные слои [10]. В культуре постмодерна форма вещи допускает сосуществование в ней двух равновозможных образов предметов, что требует постоянного перехода от одной интерпретации к другой, а это создает соперничество форм, затрудняя реализацию каждой (телефон-фотоаппарат, телефон-проигрыватель, телефон-книга).

Цель виртуальных торговых маркетплейсов, таких как OZON или Wildberries, Aliexpress, eBay, Amazon и других, состоит в реализации глобализации. Реальная вещь представлена на них в виде образа, с которым покупатель отождествляет предмет. Обычно положение вещи в пространстве обусловлено конвенциональными принципами культуры, помещающими предмет в определенный локус (религиозный предмет, кухонная утварь, садовые инструменты), но на виртуальных торговых площадках предметы разной культурной ценности помещаются в один ряд. Вещь на маркетплейсе не имеет биографии, истории, связи с местом или человеком, дистанции от покупателя. Пустота в культуре постмодерна пугает, поэтому виртуальные площадки плотно заполнены вещами независимо от их культурной наррации.

Внедрение в культуру повседневности цифровых технологий аннулировало расстояние между предметом и человеком. Как писал Ж. Бодрийяр: «Осязаемость больше не является органически присущей прикосновению» [10]. Расстояние, необходимое субъекту для возникновения эстетического восприятия объекта, исчезло, что изменило их связь. Субъект дан объекту, их действия создают сетевую сборку, в которой субъект ожидает от предмета исполнения функций, выполняемых им самим.

Первым предметом, приобретшим номадические свойства, по мнению Дж. Урри, был плеер Sony Walkman [12]. Этот предмет был фактическим «продолжением кожи человека» и предназначался для постоянно движущегося человека [13]. Плеер позволял прослушивать музыку во время прогулки, поездки в транспорте, путешествий. Впоследствии эта идея мобильных предметов, соединенных с телом, почти устранила неподвижные коммуникативные аппараты и породила концепцию «коммуникабельность на ходу», что оказало влияние на организацию времени, заставив перейти от ценности пунктуальности к допустимости опозданий. Соблюдение расписания перестало быть обязательным, так как наличие предметов связи позволило перейти от регламентированного времени к договорному. Достаточно короткого звонка или сообщения, чтобы произвести согласование по десинхронизации события [14]. Прийти вовремя больше не является важной задачей, она сменилась необходимостью проинформировать о своей задержке. Подобная процедура, совершаемая по мобильному телефону, наряду с анонимностью смс-сообщений способна уменьшить неловкость за необязательность проведения назначеннной встречи, как при личном разговоре.

Появление мобильного телефона породило множество исследований его онтологии. М. Ферарис пишет, что мобильный телефон необходимо рассматривать не просто как объект, а как социальный объект, который осуществляет акты, формирует объекты, производит записи [15]. Утрата или порча мобильного исключает субъекта из сферы присутствия в социальной среде. Его наличие становится своеобразным «мобильным долгом», при этом он обладает свойством, *Jemeinigkeit* (способность быть всегда моим), а также *Befindigkeit* (расположенностью) и *Zuhandenheit* (подручностью), то есть, по мнению М. Ферарис, он имеет свойства хайдеггеровского *Dasein* [15]. Мобильный телефон легко меняет ценность «ближних» и «дальних», нивелируя пространственную удаленность.

Проводной телефон в культуре модерна реализовывал связь между пространственно-разделенными людьми, однако они должны были занимать конкретную точку пространства (местонахождение телефонного аппарата). Мобильный телефон освобождает от привязки к ней, позволяя «индивидуализированным, маленьким миркам коммуникации существовать посреди отсутствия, дистанцирования и разобщенности» [12]. Мобильный телефон выступает также инструментом, позволяющим отказаться от нежелательного личного общения при встрече с тем или иным субъектом: для этого достаточно сделать вид, что ты разговариваешь по мобильнику.

Ж. Аттали выявил, что современные технологии производят вещи, которые способствуют разрыву связей, нарушению привязанностей. Такие вещи он назвал «номадическими» [15]. Взрывной рост научно-технического прогресса, в частности развитие цифровых технологий привели к возможности осуществить «миниатюризацию» предметов, а открытия в области генной инженерии пошатнули устойчивость институтов традиционной культуры, предложив человеку свободу как в пространственном перемещении, так и культурном. Истоки взрывного роста прогресса Ж. Аттали находит в культурных

особенностях. Рассматривая Японию, Аттали видит, что локальность государственной территории способствовала созданию предметов малых форм, страх перед изолированностью побуждал к созданию и распространению новых коммуникативных средств, ограниченность ресурсов привела к замене туризма потреблением информации [16].

Культура постмодерна трансформирует услуги в предметы, которые благодаря своей портативности обретают номадический, подвижный характер: они легкие, мобильные, способны хранить в себе большой объем данных, что снимает необходимость личного контакта с людьми, оказывающими информационные услуги. Такие номадические предметы, невзирая на отличия, обладают общим принципом использования информации для манипулирования поведением человека, превращая услуги в предметы, а человека в потребителя. «Субъект может лишь желать — только объект может соблазнить» [16]. На фоне кризиса субъекта в европейской гуманитаристике Ж. Бодрийяр отмечает, что в культуре главным становится тот, кто соблазняет, а именно объект, который может очаровывать лишь потому, что не проявляет собственную субстанциональность, то есть состоит из ничего [16]. Предмет появлялся в модерне результате его производства и становился товаром, но сегодня, будучи возведенным в ранг фетиша, он сам порождает эффекты и становится абсолютным товаром, с нулевой ценностью и нейтральным качеством, и потому неподвластен объективному отчуждению. При этом предмет-фетиш тщательно избавляется от традиционных свойств предмета, чтобы явиться как нечто «чудовищно странное» или даже обсценное [17]. Именно предмет не только желает за субъекта, но указывает ему, что желать, и порождает в нем эти желания.

Появление подобных номадических предметов связано с изменением мировоззренческих подходов в культурных парадигмах. Если традиционная культура исходила из установки всеобщей сакральности, современная культура (модерн) начинает процесс десакрализации (*Entzauberung der Welt*), приведший к возвеличиванию, обожествлению человека, то постсовременная культура (постмодерн) очеловечивает вещи, придавая им разумность, самоценность и непродолжительные сроки «жизни». Вещь традиционной культуры переживает тысячетия, меняя свой статус с функциональной на символическую. Вещь современной культуры живет в своем функционале, который долговечен и длится столетия. Предметы быта, станки, инструменты прошлого и позапрошлого веков до сих пор работоспособны. Номадическая вещь создана для кратковременного пребывания. Будучи новинкой утром, она к вечеру становится анахронизмом. Подобный процесс описал Э. Тоффлер, назвав его *ad-hoc-кратией* — системой адаптационного поведения, основанного на непостоянстве и самопроизвольности [18]. Вещь сегодня создается не для того чтобы оставаться, а чтобы уступить место другой, такой же недолговечной вещи. Подобная смена вещей происходит в горизонтальном срезе, то есть переход от вещи к вещи не несет качественных изменений, но создает иллюзию новизны.

Массовое вовлечение в туризм привело к возникновению новых номадических предметов, для которых движение, преодоление расстояний заложено в сущности

предмета. Эти предметы созданы, чтобы быть перевезенными в другую точку пространства, в другой город, в другую страну. Речь идет о сувенирной продукции: открытки, магнитики, фигурки, флаажки, отображающие достопримечательности региона.

В постсовременной культуре человек может совершать свое путешествие, кочевание, даже находясь у себя дома. Различные средства связи, коммуникаций предлагают многообразные перемещения во времени и пространстве, в реальном или виртуальном. Экономическое неблагополучие, лишающее человека доступа к высокотехнологичным путешествиям, не исключает его из потенциальных номадов путешественников, предлагая совершить странствие через приобщение к «кочевым субстанциям побежденных грядущего тысячелетия, отрешенных и отверженных», к которым Ж. Аттали относит алкоголь и наркотики [16]. Будущее видится Ж. Аттали достаточно пессимистично: обладание номадическими предметами станет символом свободы, что приведет к номадическому помешательству, стиранию границ между национальными государствами, между варварством и культурой, и закончится все превращением мечты о свободе в отсутствие всякого выбора [16].

Таким образом, изменение субъект-объектного взаимодействия обусловлено трансформациями сущности вещи в новых культурных обстоятельствах, приведших к изменению ее формы, материала, функций. Общая ориентация этих модификаций вызвана тенденцией «борьбы с природой» (Ж. Бодрийяр) [19]. Из формы вещи, которая подвергается сжатию и уменьшению, устраняются потребности в усилии, что отражает отказ от символизации труда. Содержание вещи, ее материал, освобождается от природных субстанций (дерево, камень, кожа) и заменяется на пластик и полимерные соединения. Единичность функций вещи, как это было в современной культуре, сменяется многофункциональностью (телефон фотографирует, часы воспроизводят музыку).

Выводы

Наступление постсовременной культуры, культуры постмодерна приводит к тому, что вещь начинает проявлять совокупность свойств, превращающих предмет в номадический. В ней обнаруживается потеря собственного сущностного содержания, «ноуменальности», нивелируется граница внутреннего и внешнего. Вещь приобретает потенцию к ризомным соединениям, обнаруживая в себе склонность к образованию сборок с элементами разнородного происхождения (естественного и искусственного, материального и идеального). У вещи постмодерна значительно сокращается срок службы и период «жизни», что не позволяет ей успеть обрести собственную биографию. Ее существование контролируется ad-hoc подходом, требующим признать собственную недолговечность и уступить место новым вещам. Вещь перестает быть исполнителем одной функции и становится носителем множества функций, которые в культуре модерна принадлежали отдельным предметам, а их сосуществование в одном было невозможно.

Анализ культурных условий становления повседневности в основных парадигмах позволил определить, что проект возвеличивания человека, свойственный модернистской культуре, сегодня трансформировался в очеловечивание вещи, в наделение предмета антропными качествами. Как и человек культуры постмодерна, вещь была десакрализована и перенесла свое существование в горизонтальную плоскость бытийствования. Она превратилась в предметное «тело без органов», тем самым «деиндивидуализируя» и самого хозяина — человека. Имея потенцию к мобильности, она побуждает человека к перемещениям в физическом, социальном и духовном пространствах с целью обретения субъектом идентичности, трансформируя его идентичность в «кускозывающую».

Список источников

1. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль; перевод с немецкого; сост., подгот. текста и примеч. О. А. Сердюкова. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – 358 с. – Текст : непосредственный.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время: статьи и выступления / М. Хайдеггер; перевод с немецкого В. В. Бибихина. – Москва : Республика, 1993. – 448 с. – Перевод изд. : Sein und Zeit / Martin Heidegger. – Tübingen, 1993. – Текст : непосредственный.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; Составление, общая редакция и послесловие Ю.Н. Давыдова; предисловие П.П. Гайденко; перевод с немецкого М. И. Левиной, А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко; комментарии А. Ф. Филиппова. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с. – Текст : непосредственный.
4. Лакан, Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: кн.11 (1964)); перевод с французского М. Титовой, А. Черноглазова. – Москва : Гнозис : Логос, 2004. – 304 с. – Перевод : Lacan, Jaques Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse (1964), livre 11 Paris : Editions du Seuil, 1973. – Текст : непосредственный.
5. Секацкий, А. К. От формации вещей к эпохе текстов / А. К. Секацкий. – Текст : электронный // litpromzona.narod.ru : сайт URL: <http://litpromzona.narod.ru/sekackii/otform.html> (дата обращения: 26.04.2025).
6. Пигров, К. С. Бытие и возраст. Монография в диалогах / К. С. Пигров, А. К. Секацкий. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. – 250 с. – Текст : непосредственный.
7. Секацкий, А. К. Эстетика в эпоху анестезии / А. К. Секацкий. – Текст : непосредственный // Глобализация в социально философском измерении: сборник материалов конференции. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 65–81.
8. Делёз, Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; перевод с франц. и послесловие Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с. – Текст : непосредственный.
9. Муштей, Н. А. Способы бытийствования вещей: модели и динамика: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Муштей Надежда Анатольевна – Саранск. – 2013. – 23 с. Место защиты : Мордовский государственный ун-т им. Н. П. Огарева. – Текст : непосредственный.

10. Жердев, Е. В. Метафора в дизайне / Е. В. Жердев. – Москва : Архитектура-С, 2010. – 464 с. – Текст : непосредственный.
11. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; перевод с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. – 3-е изд. – Москва : Добросвет, 2009. – 260 с. – Перевод : Baudrillard, Jean. *La transparence du Mal*. Paris: Galilée, 1990. – Текст : непосредственный.
12. Урри, Д. Мобильности / Д. Урри; перевод с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. – Москва : Практис, 2012. – 576 с. – Текст : непосредственный.
13. Production of Culture and Cultures of Production / Du Gay P. (ed.). Vol. 4. – London: Sage, 1997. – Text: direct.
14. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с. – Текст : непосредственный.
15. Ферарис, М. Ты где? Онтология мобильного телефона / М. Ферарис ; перевод с итал. К. Тименчик, М. Устюжаниновой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 352 с. – Перевод изд.: *Dove sei? Ontologia del telefonino* / Maurizio Ferraris, Milano, 2005. – Текст : непосредственный.
16. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали; перевод с англ. – Москва : Международные отношения, 1993 г. – 135 с. – Текст : непосредственный. – Перевод изд. : *Millennium. Winners and Losers in the Coming World Order*. Lignes d'hjrzons / J. Attali. 1990.
17. Бодрийяр, Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского Качалова А. В. – Москва : РИПОЛ классик, 2017. – 288 с. – Перевод : Baudrillard, Jean. *Les stratégies fatales*. – Текст : непосредственный.
18. Тоффлер, Э. Шок от будущего / Э. Тоффлер; перевод с англ. – Москва: «Издательство АСТ», 2002. – 557 с. – Текст : непосредственный.
19. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; перевод с французского и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – Москва : Рудомино, 1999. – 222 с. – Перевод изд.: *Le système des objets* / Jean Baudrillard. Paris, 1991. – Текст : непосредственный.

References

1. Gusserl, E. (1994). *Filosofiya kak strogaya nauka*. Novocherkassk, Saguna Publ., 358 p. (In Russian).
2. Heidegger, M. (1993). *Sein und Zeit*. Tubingen. (In German).
3. Weber, M. *Izbrannye proizvedeniya*. (1990). Moscow, Progress Publ., 808 p. (In Russian).
4. Lacan, J. (1973). *Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse* (1964), livre 11. Paris : Editions du Seuil. (In French).
5. Sekatskiy, A. K. (2025). *Ot formatsii veshchey k epokhe tekstov*. Available at: <http://litpromzona.narod.ru/sekackii/otform.html> (accessed 26.04.2025). (In Russian).
6. Pigrov, K. S. & Sekatskiy, A. K. (2017). *Bytie i vozrast*. Monografiya v dialogakh. Sankt-Peterburg, Aleteyya Publ., 250 p. (In Russian).
7. Sekatskiy, A. K. (2003). *Estetika v epokhu anestezii Globalizatsiya v sotsial'no filosofskom izmerenii: sbornik materialov konferentsii*. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 65-81. (In Russian).
8. Deleuze, G. & Guattari, F. (1972). *L'anti-Œdipe. Capitalizme et schizophrénie*. Paris Editions Minuit. (In French).
9. Mushtey, N. A. (2013). *Sposoby bytiystvovaniya veshchey: modeli i dinamika*. Avtoreferat diss. ... kand. filos. nauk. Saransk, 23 p. (In Russian).

10. Zherdev, E. V. (2010). Metafora v dizayne. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 464 p. (In Russian).
11. Baudrillard, J. (1990). La Transparence du Mal. Paris, Galilée. (In French).
12. Urry J. (2010). Mobilities. London, Routledge. (In English).
13. Du Gay, P. (Ed.). (1997). Production of Culture and Cultures of Production, (4), London, Sage. (In English).
14. Bauman, Z. (2008). Tekuchaya sovremenost'. Sankt-Peterburg, Piter Publ., 240 p. (In Russian).
15. Ferraris, M. (2005). Dove sei? Ontologia del telefonino. Milano. (In Italian).
16. Attali, J. (1990). Millennium. Winners and Losers in the Coming World Order. Lignes d'hjrizons. (In English).
17. Baudrillard, J. (1983). Les stratégies fatales. Paris : Editions Grasset & Fasquelle. (In French).
18. Toffler, A. (1970). Future shock. New York, Random House, 505 p. (In English).
19. Baudrillard, J. (1991). Le système des objets. Paris, Gallimard, 288 p. (In French).

Информация об авторе/Information about the author

Шляков Алексей Владимирович, Alexey V. Shlyakov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Humanities and Technologies, Industrial University of Tyumen, schafferhund@rambler.ru, ORCID: г. Тюмень, schafferhund@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704> <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 29.10.2025.
The article was submitted 24.09.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 29.10.2025.